

ПЕРЕОЦЕНКА СТАТУСА ПРОСВЕЩЕНИЯ В ТЕОРИИ КОММУНИКАТИВНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ Ю. ХАБЕРМАСА

Личевский Глеб Андреевич

Магистрант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук
Белорусского государственного университета

Научный руководитель – Сидоренко Ирина Николаевна,
Доктор философских наук, профессор кафедры философии культуры
Белорусский государственный университет

Аннотация. В статье осуществляется анализ теории коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса, выразившей собой проект радикального переосмысления идей Т. Адорно и М. Хоркхаймера при учете фундаментальной трансформации общественной среды во второй половине XX века. Исходя из актуальных тенденций общества «зрелого капитализма», коррелирующих с формированием гражданского сознания, Ю. Хабермас отмежевывается от критицизма в отношении проекта Просвещения, выступившего предтечей постиндустриального общества. Так, в соответствии со взглядами мыслителя, феномен пролиферации позитивного знания, истоки которого отражены в капиталистической модели хозяйствования, выступает гарантом свободного волеизъявления со стороны субъекта, что, как результат, позволяет говорить о становлении нового типа «просвещенной» рациональности - коммуникативной. Как итог, теория коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса правомерно может быть названа крайне значимой вехой в эволюции Западного марксизма.

Ключевые слова: Ю. Хабермас; Просвещение; Франкфуртская школа; дискурс; коммуникативная рациональность

REVALUATION OF THE STATUS OF ENLIGHTENMENT IN THE Y, HABERMAS' THEORY OF COMMUNICATIVE RATIONALITY

Lichevsky Gleb Andreevich

master's student of the faculty of Philosophy and Social Sciences
Belarusian State University

Scientific supervisor – Sidorenko Irina Nikolaevna
Doctor in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of the culture
Belarusian State University

Abstract. The article analyzes the theory of communicative rationality of Y. Habermas, who expressed a project of radical rethinking of the ideas of T. Adorno and M. Horkheimer, taking into account the fundamental transformation of the social environment in the second half of the twentieth century. Based on the current trends of the society of "mature capitalism", correlating with the formation of civic consciousness, Y. Habermas dissociates himself from criticism of the Enlightenment project, which was the forerunner of post-industrial society. Thus, in accordance with the views of the thinker, the phenomenon of proliferation of positive knowledge, the origins of which are reflected in the capitalist model of management, acts as a guarantor of free expression of will on the part of the subject, which, as a result, allows us to talk about the formation of a new type of "enlightened" rationality - communicative. As a result, Y. Habermas' theory of communicative rationality can legitimately be called an extremely significant milestone in the evolution of Western Marxism.

Keywords: Y. Habermas; Enlightenment; Frankfurt School; discourse; communicative rationality

Выразив собой проект радикального переосмысления концептуального наследия 1-го поколения Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер), теория коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса отсылает к перспективе общественной солидаризации в реалиях общества «зрелого капитализма». Краеугольным камнем концепции немецкого мыслителя выступает имманентное субъекту стремление к соисканию компромисса на основании специфического социального действия, которое, впрочем, заведомо лишено антагонистической составляющей как результат синтеза политической и социальных сфер. Кроме того, мыслителем акцентуируется положительная оценка Просвещения, следствием которого выступил, с одной стороны, рост сознательности широких масс и их гуманизация, а с другой, становление исторически новых модусов коллективного взаимодействия. Как результат, концепция Ю. Хабермаса выявляет свою неоспоримую адекватность в современности, где на фоне эрозии морально-нравственных ориентиров кристаллизуются новые формы социальности.

Говоря о непосредственно о Ю. Хабермаса, следует отметить, что методологические основания его теории охватывают широкий спектр как социологических, так и философских идей, важнейшими из которых в рамках предложенной мыслителем парадигмы выступают морально-этические воззрения И. Канта, феноменология позднего Э. Гуссерля, политическая теория Х. Арндт и М. Вебера, и герменевтический проект Х.-Г. Гадамера.

Так, пролонгируя критический проект Франкфуртской школы, но вместе с тем отрешаясь от радикализма Т. Адорно и М. Хоркхаймера в оценке практических следствий Просвещения, Ю. Хабермас фундирует тезис о принципиальном паритете коммуникативной способности разума, коррелирующей с его функциональными параметрами. Однако, если провозвестник этической ориентации сознания в лице И. Канта не оставил значимого наследия в плоскости intersubjectивного взаимодействия, то Ю. Хабермас восполняет подобную лакуну с позиций феноменологии – в сущности, замыкающего звена трансцендентальной философии XX века.

В этом случае приоритетным признается довод о принципиальной обусловленности конкретного сознания «Я» жизненным миром, воплощающим собой отправной пункт сознательной активности как предданная семиотическая структура, «горизонт восприятия» [1, с. 188]. Определяя собой мировоззренческий горизонт субъекта, жизненный мир в равной степени позволяет субъекту «распознать» Другого, сущностные характеристики которого выражаются не только в доступном сознанию образе, но и в непосредственно физическом ощущении. Таким образом, фигура Другого, при учете интенциональной установки сознания, обретает статус первичного посредника на пути освоения внешней среды, что в полной мере позволяет реализовать имманентные субъекту постулаты категорического императива как консолидация политических интересов – коммуникативной рациональности.

Действительно, проблематичным представляется вообразить ситуацию, при которой означенный субъект возьмется действовать иначе, поскольку, с одной стороны, он оказывается всецело движим этико-нравственными мотивами, а с другой, сопутствуют ему столь же нравственные субъекты, заинтересованные во взаимопонимании. На этом фоне социально-политическая интеракция выявляет свой гуманистический характер, обнаруживаясь сопричастной не только властному дискурсу, но также прямому взаимодействию между людьми, зачастую вершащемуся в сфере обыденной жизни [с.308, 4].

Характерно, что в оценке перспектив солидаризации агентов капиталистического общества Ю. Хабермас, будучи представителем Франкфуртской школы, акцентирует марксистский довод о необходимости практическим способом изменить внешний мир, нежели сфокусироваться на культуре индивидуальной самости и ее критическом мышлении, что позволяет говорить о становлении новой вехи в социально-критической теории. Впрочем, следует упомянуть, что аргументы Ю.

Хабермаса лишены критического импульса теории К. Маркса, так как базисная установка последней в виде проблематики отчуждения предстает иррелевантной применительно к реалиям общества второй половины XX века, где организованный пролетариат уступил место самостоятельным творческим субъектам, а классовые противоречия утратили какие-либо онтологические корреляты.

В этом контексте фактическая переоценка статуса Просвещения, предпринятая мыслителем, предстает в полной мере обусловленной изменившимися характеристиками индустриального общества: масштабной диверсификацией капиталистических отношений вкупе с ростом благосостояния отдельного субъекта, становлением институций массового образования и отходом от авторитарных моделей власти. Таким образом, предпосылки для концептуального переосмысления Ю. Хабермасом во многом кажущимися нежизнеспособными идей Т. Адорно обнаруживаются конгруэнтными социальному статус-кво второй половины XX века, в котором наследие Просвещения выступает фактическим гарантом достижения социального консенсуса ненасильственным путем.

Обращаясь к обоснованной мыслителем стратегии продуктивной кооперации индивидов, правомерным представляется заявить, что в данном случае само понятие социально-политического антагонизма наделяется исторически новым смыслом, принимаясь выражать не столько типизированную модель революционной активности в духе К. Маркса, но скорее противостояние аргументативного характера в плоскости речевого дискурса.

Важнейшим условием в построении подобного дискурса выступает отказ со стороны субъекта от утилитарных намерений, связанных с потенциальной экстраполяцией социального насилия, а также его заинтересованность в компромиссе. При этом существующие в обществе структуры власти, будь то определенный политический режим или спонтанно-идеологические регламентации, предстают конструктивным элементом в панораме социального действия, так как именно они выступают предпосылкой для политического волеизъявления со стороны прогрессивных общественных групп. Тем не менее, условием полной реализации коммуникативной рациональности, по Ю. Хабермасу, выступает конечный отход от государственной структуры в пользу свободных гражданских ассоциаций.

Как следствие, общества индустриального и постиндустриального типа в оптике Ю. Хабермаса лишаются марксистского негативизма,

характеризуемого абсолютизацией имущественного неравенства и, соответственно, его деструктивных эпифеноменов в призме субъектных характеристик, вместо этого предлагая реалистичный способ к конкуренции переменных точек зрения. Несмотря на то, что наследие немецкого мыслителя до сих пор подвергается критике как со стороны теоретиков демократии, включая в том числе постмарксистских авторов, так и современных представителей консервативных течений, представляется неоспоримыми, что идеи Ю. Хабермаса представили собой крайне значимый аспект в анализе европейского общества конца XX – начала XXI вв.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что Ю. Хабермас отрешается от негативизма 1-го поколения Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер), помещая в основание социальной диспозиции стремление к достижению понимания между действующими агентами. Так, исходя из внеэлиминируемого атрибута индивидуального сознания, выражающегося в интерессубъективности, проблематичным представляется говорить о существовании объективных противоречий на пути обретения социального консенсуса. Наоборот, любая дискурсивная ситуация, в которой рациональный субъект «обнаруживает» Другого, имплицитно содержит в себе перспективу взаимопонимания. Таким образом, идеология Просвещения предстает вспомогательным ресурсом в ракурсе самоидентификации субъекта и осознании им собственных интересов как предпосылка для кристаллизации рационального «Я», а с ним – погружения в «жизненный мир» субъект-субъектной матрицы социума.

Фундаментальным условием рационального взаимодействия, по Ю. Хабермасу, выступает коммуникация, коррелирующая с определенными нормативными идеалами: отказа со стороны участников от утилитарных намерений (категорический императив И. Канта), заинтересованности в продуктивном разрешении таковой коммуникации и транспарентности целевых мотивировок каждого из участников дискурса. При этом бюрократические структуры общества, налагающие определенные ограничения на свободу самовыражения, должны быть сняты или модифицированы, или сняты как результат формирования свободных ассоциаций, что и представляет собой гарант социальной справедливости.

В результате модель коммуникативной рациональности проливает свет на бесконфликтное достижение компромисса в обществе современного типа. Выявляя в основании социума категорию имманентного политического неравенства, которое может быть разрешено посредством диалога с Другим,

немецкий мыслитель обосновывает проект ненасильственной демократизации обществ XX и XXI века, что позволяет говорить о несравненной эвристичности теории коммуникативной рациональности.

Список литературы

1. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук / Э. Гуссерль. – М.: 200, - 396 с.
2. Фурс, В. Н. Контуры современной критической теории / В. Н. Фурс. – Мн., ЕГУ, 2002. – 164 с.
3. Фурс, В. Н. Философия незавершенного модерна Ю. Хабермаса / В. Н. Фурс. – Мн.,: ЕГУ, 2002. – 222 с.
4. Хабермас, Ю. Философский дискурс о Модерне [Электронный ресурс]. – Режим доступа uapko.lib.ru. – Дата доступа: 29.10.23